

ХРОНОС И ВИРТУАЛЬНОСТЬ: КАК УМИРАЕТ ВРЕМЯ

В. А. Ульянов

Московский гуманитарно-экономический институт

Поступила в редакцию 1 ноября 2011 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблемы статуса времени в пространстве виртуального в связи с усилиями по преодолению времени в культурной эволюции. С этой точки зрения виртуальное рассматривается как один из способов регенерации мифологического сознания в его архаической версии с целью преодоления необратимости временного процесса.

Ключевые слова: время, виртуальность, олам, мифологическое сознание, интернет, виртуальная реальность.

Abstract: the article deals with the perception of time in the reality of the virtual. The author concludes that the very construction of the virtual was caused by the innate fear of time closely associated with death. Hence comes a painstaking effort to overcome the latter by creating a non-physical reality within which time is entirely conditional and irrelevant. Therein lies another observation that there is obviously much in common between the mythological and the virtual.

Key words: time, virtual, olam, mythological mind, internet, virtual reality.

«...самыми удивительными открытиями будут те, которые нам недостает еще мудрости предвидеть».

Карл Эдуард Саган

Западная философская традиция на протяжении двух с половиной тысяч лет достигла больших успехов в понимании и истолковании категории времени. От гераклитовского *Panta rhei* до «*Sein und Zeit*» Хайдеггера пролегла значительная дистанция. Время рассматривалось преимущественно в модусе физическом, социальном и экзистенциальном. При этом первые два имели и до сих пор имеют приоритетное значение. Сама озабоченность феноменом времени, особенно ощутимая при сопоставлении с восточной традицией, говорит о том, что в западной культуре наличествует доминантная экзистенциально-психологическая установка: через понимание, истолкование времени «приручить» его, остановить, а то и вовсе отменить. Степень ожесточенности этой борьбы с Хроносом прямо пропорциональна росту «укорененности» индивида в бытии, прежде всего, вещественно-материальном. Заполнив пустоты культурными артефактами, человек оказался в ситуации высокой степени зависимости от них, ему теперь есть что терять. А главной и до сих пор непреодолимой формой отчуждения оказалось отчуждение себя в пользу смерти. Популярным способом психотерапии в связи с этим оказывается создание иллюзии остановки времени в рамках «культуры молодых». Тот эпохальный космогонический акт, воцарение титана, пожиравшего

своих детей, вполне может стать профессиональным праздником косметологической индустрии, зарабатывающей миллиарды на фантоме «вечной молодости».

Чтобы эта экзистенциальная установка приобрела патологический оттенок, и был необходим символично-мифологический акт «оскопления» вечности и запуска временного отчета. Такие характеристики физического времени, как непрерывность, последовательность и необратимость, прочно вошли в социокультурный контекст и оказались усвоены в рамках социального времени. «Социальное время, в отличие от времени в астрономии, обладает качествами, а не только количеством; эти качества производны от верований и обычаев группы, они также служат обнаружению ритмов, пульсаций, биений обществ, в которых найдены. Математическое время “пусто”. Оно лишено признаков, лакун, служащих точками начала и конца. Для календаря же требуется какая-либо отправная точка или фиксированная дата. Должно быть некое начало, спорное или нет, чтобы инициировать каждую систему отсчета времени, якобы не прерывающуюся. С этой целью “всегда прибегали к конвенционально избранной дате какого-то гражданского исторического события”. В любом случае отправная точка всегда социальна или наделена глубокими социальными следствиями; это каждый раз событие, считающееся социально особо значимым» [1, с. 5]. Европейская традиция выработала две главные парадигмы социального времени – циклическую и линейную. В рамках обеих время, по существу, выступает в роли функции пространства (физической реальности), точнее, той модели устройства физического мира, в которую верит индивид и исходя из которой выстраивает как свое понимание времени, так и отношение к нему. Применительно к античности это, как известно, сфера. Вряд ли кто-то когда-то даст внятное объяснение тому, почему «эстетический космос» в античности мыслился сферически. Зато вполне очевидно, почему сферический космос стал своеобразной ловушкой для времени, способом, если уж не полной его отмены, то, по крайней мере, преодоления одного из главных и наиболее противных смертной природе свойств физического времени – его необратимости – через свертывание времени в цикл. Круговое движение в рамках сферически оформленной стациональной реальности с необходимостью должно быть главенствующим и совершенным. По существу, вся греческая мифология (как и вся мифология вообще) была поэтико-символической артикуляцией отношения индивида к проблеме времени и способом разрешения последней. До недавнего времени в арсенале смертных было не так уж и много более или менее эффективных инструментов разращения проблемы времени: это, прежде всего, создание культурных артефактов как способа «цементирования» времени через эксториоризацию сознания, индивидуальных его особенностей, вовне, в реальность материального, а также создание «параллельных миров», в которых господствует вечность, с непременным и по возможности позитивным включением себя в их контекст (речь идет о загробной жизни во

всех ее вариантах – от классических моделей ада ирая и до метафизики и выхода в трансцендентное).

Мотивация к расширенному воспроизводству культурных артефактов в античности, бывшая пружиной «греческого чуда», вероятно, была вызвана обостренным характером переживаний времени, усилиями по остановке последнего. Отсюда и консервативный характер социально-экономических и политических отношений, свойственных греко-римской цивилизации. В жизни обывателя преобладала статика сакрального календаря (например, греческие Великие Дионисии, Элевсинские мистерии, римские фериальные дни, праздник *Anna Perenna*). В сочетании со щадящей картиной посмертного существования человека циклическая модель социального времени предоставляла довольно эффективный инструментарий, позволявший индивиду более или менее успешно преодолевать временной прессинг и страх смерти. Регрессивная модель исторического развития, скажем, у Гесиода в его мифе «о пяти веках», несмотря на трагедийную тональность в описании «железного века», оставляет надежду на всеобщее космическое обновление и возвращение к «веку золотому».

Совсем иная ситуация возникает в связи с утверждением в европейском (западном) культурно-историческом пространстве интуиции бесконечного в истолковании пространства в результате принятия иудео-христианской религиозно-мифологической традиции. Время как олам приобретает линейный и необратимый характер, открывая индивиду перспективу апокалиптической эсхатологии. Корреляция между линейно-провиденциальной моделью времени и образом пространства как бесконечной вселенной вполне очевидна, как и то обстоятельство, что принятие такой парадигмы времени в качестве доминантной резко осложнило и драматизировало переживание индивидом временного процесса, увеличило экзистенциально-психологический прессинг, связанный с гибельностью бытия, прежде всего бытия самого субъекта. Дехристианизация сознания не спасла положения. Библейский олам лишь изменил маркировку и превратился из линейно-провиденциальной в линейно-прогрессистскую модель времен. Трагедийное, подчас откровенно патологическое переживание гибельности в иудео-христианской традиции было осложнено безрадостной перспективой посмертного существования индивида (ад). Секуляризация сознания не многим облегчила дело, поскольку поставила человека перед перспективой ничто («Пустота вероятней и хуже ада» И. Бродский), отсюда и поистине титанические, не ведомые для античности усилия по радикальному разрешению проблемы времени в новоевропейской традиции.

Поворотным здесь стали наблюдения Канта и Лейбница, сделавшие время *phaenomenon bene fundatum*. Субъективизация в истолковании времени сигнализировала о важном открытии философского сознания: восприятие времени в конечном итоге обусловлено статусом субъекта в отношении к статусу объекта, какой бы ни была его онтологическая природа, поскольку время как переживание (не путать с физической катего-

рией так называемого математического времени) всегда есть результат взаимодействия. Радикальное решение проблемы темпоральности не может быть достигнуто старыми средствами (создание культурных артефактов для укоренения в памяти потомков или загробная жизнь), но должно быть осуществлено через изменение как онтологического статуса реальности, так и бытийных характеристик самого субъекта.

В чем суть этих изменений? Она – в окончательном отрыве экзистенциально-психологических и социальных дериватов времени от их физического источника, с присущими ему линейностью и необратимостью, через создание принципиально новой модели объекта реальности, ее нового онтологического статуса, равно как и статуса самого субъекта, действующего в этой, для себя новой, атмосфере. Ни тот, ни другой, в идеале, не должны содержать в себе ничего «физического», не должны быть подчинены какой-либо объективной «пространственно-временной детерминации», свойственной физическому телу. Иными словами, они должны быть виртуальными*. Таким образом, возникновение виртуальной реальности**, последней и, возможно, самой эффективной версии «Царства Божьего» в истории христианской (постхристианской) цивилизации, можно считать закономерным и неизбежным ответом на экзистенциально-психологический вызов времени, обнаруживший гибельность бытия за вычетом христианской вечности. В пространстве виртуального происходит ломка физических параметров реальности через их релятивизацию, мультипликацию и поливариантность. Как следствие, исчезает и линейно-необратимая парадигма времени. Она заменяется виртуальным аналогом, который, впрочем, весьма условно можно назвать термином «время». Скорее, это некая ситуация *hic et nunc*, обладающая условной длительностью и весьма условно связанная с другими ситуациями, подобными ей. Природа длительности здесь не имеет необходимой для физического мира объективной обусловленности и задается исключительно виртуальным субъектом в совершенно волюнтаристском ключе. Виртуальный субъект опознает и фиксирует виртуальное время как фикцию, произвольно меняя его скорость, направление и конфигурацию, либо останавливая временной процесс вовсе.

* ВИРТУАЛЬНОСТЬ (от лат. *virtualis* – возможный) – объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Эти условия по-разному эксплицируются в различных подходах к виртуальности. При онтологической трактовке виртуальность рассматривается как некоторое потенциальное состояние бытия, наличие в нем определенного активного начала, предрасположенность к появлению некоторых событий или состояний, которые могут реализоваться при соответствующих условиях [2].

** В качестве универсальных свойств виртуальной реальности можно выделить три характеристики:

- нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного);
- условность параметров (объекты искусственны и изменяемы);
- эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования) [3, с. 18–19].

Как видим, все это становится возможным из-за фактической замены физического субъекта его виртуальным аналогом, характеристики которого тождественны свойствам той реальности, в которой он обитает. Однако трагизм ситуации заключается в том, что время как последовательность и необратимость процесса, в том числе и бытия субъекта, не может быть преодолено до конца и в пространстве виртуального до тех пор, пока физический субъект не перестанет быть референтом субъекта виртуального, его онтологической подкладкой. «Существует несколько подходов к разработке программного обеспечения для ИИ. Один из них – эмулировать основные принципы биологического мозга. Не кажется неправдоподобным предположение, что в пределах 15 лет эти принципы будут познаны достаточно хорошо, чтобы при адекватных аппаратных средствах этот подход привел к успеху» [4, с. 337]. Чтобы окончательно преодолеть всякое воспоминание о необратимом времени, в его классических формах виртуальный субъект должен стать способен к самовоспроизводству, воспроизводству той реальности, в которой он пребывает. Иными словами, он должен стать автономным от своего физического двойника. Речь идет о появлении искусственного интеллекта, который не будет нуждаться в человеке для поддержания собственного существования. Такой автономный субъект сам будет задавать параметры собственного бытия, произвольно конструируя ту реальность, которая для него наиболее комфортна. Именно тогда время перестанет быть человеческой мерой всяческого изменения. При этом само изменение не будет ассоциироваться со временем. Статика вечности в иудео-христианском (метафизическом) сознании, которая только и была доступна пребывающему во времени субъекту, будет окончательно заменена на вечную динамику, параметры которой будут задавать эмансипировавшиеся от человека его виртуальные двойники*. «Расчеловечивание» человека кажется единственным способом обретения «вечной жизни». В конечном итоге, так ли уж важно, какими способами будет достигнута эта цель: через религиозное преобразование или через научно-техническое «удвоение». Наука и религия здесь близки как никогда, главное в другом: оба варианта означают преодоление культуры «человеческого, слишком че-

* В связи с 25-летием компании Cisco главный футуролог консалтингового подразделения Cisco IBSG Дэйв Эванс (Dave Evans) обнародовал свой прогноз дальнейшего развития технологий. Вот некоторые положения:

- К 2020 г. персональный компьютер стоимостью в одну тысячу дол. США по своей вычислительной мощности сравняется с человеческим мозгом.
- Сегодня мы знаем 5 % того, что нам станет известно через 50 лет. Другими словами, 95 % знаний, которые будут доступны людям к 2060 г., станут результатом открытий, сделанных в предстоящие 50 лет.
- К 2015 г. человечество будет ежегодно создавать контент, объем которого в 92,5 млн раз превышает объем информации, хранящейся в библиотеке Конгресса США.
- К 2030 г. станет возможным вживление искусственной ткани в человеческий мозг [5].

ловеческого», которое борется со временем (смертью), подчас забывая о том, что именно смертный, преходящий характер человеческого бытия делает возможным бытие как таковое.

Виртуальное это далеко не PC GAMES. В современную эпоху благодаря беспрецедентно высоким темпам накопления и обновления информации, наращиванию новых технологических возможностей ее передачи виртуальное все более тесно входит в социальный контекст, постепенно вытесняя собой реальные институты и отношения. Ключевым инструментом виртуализации социального пространства, без сомнения, является интернет, что, впрочем, вполне соответствует логике борьбы с временем, которую человечество, по крайней мере значительная его часть, ведет с момента выхода из лона мифологического сознания. «Мировая паутина» как раз и интересна тем, что предлагает широкие возможности для конструирования виртуального субъекта, симулякр привычной нам до сих пор реальной личности. Всемирная сеть стала апофеозом бегства личности от ее подосновы, базиса, стабильного и самождественного индивида, торжеством отчуждения в пользу знака. «Общение через Internet как раз и привлекательно обезличенностью, а еще более – возможностью конструировать и трансформировать виртуальную личность. С одной стороны, Internet дает свободу идентификации: виртуальное имя, виртуальное тело, виртуальный статус, виртуальная психика, виртуальные привычки, виртуальные достоинства и виртуальные пороки. С другой стороны, происходит “утрата” – отчуждение реального тела, статуса и т.д. Internet – средство трансформации и личности как индивидуальной характеристики, и личности как социокультурного и исторического феномена. Здесь следует заметить, что личность – новоевропейский социокультурный феномен. В современном смысле слова личность еще пятьсот лет назад не существовала как общественное явление, т.е. была явлением весьма редким. Такие атрибуты личности, как стабильная самоидентификация, индивидуальный стиль исполнения социальных ролей (“творческая индивидуальность”) активными пользователями Internet утрачиваются; сознательно или неосознанно ими формируется размытая или изменчивая идентичность. Виртуализируется не только общество, но и порожденная им личность» [3, с. 412].

На наш взгляд, весьма интересна корреляция структур мифологического сознания и виртуальной реальности. Если исходить из того, что мифологическое сознание в терминах психологии наиболее оптимально можно описать как динамическое сочетание транса и воображения (что очевидным образом отсылает нас в сферу бессознательного, в переживания мифологического субъекта), то становится очевидным, что выход из этого трансового состояния в истории культуры означал торжество концептуального сознания и тех его форм (прежде всего, философии и науки), которые основаны на ratio, логическом анализе окружающей человека действительности, основой которого является закон тождества, прежде всего тождества личности. Именно личностный характер концептуального сознания в качестве антитезы безличностному, децент-

рированному мифологическому субъекту становится очевидным при сопоставлении этих двух парадигм восприятия реальности. Личностный характер рационального сознания в конечном итоге открывает человеку гибельность бытия и неотвратимость смерти. Как следствие, происходит инициирование того процесса культурной эволюции, который прежде всего связан с созданием материальных и духовных артефактов, процесса, ориентированного на создание иллюзии остановки времени или, возможно, более отдаленной перспективы перехода человека в небытие. Да и само небытие здесь подменяется религиозными либо квазирелигиозными (метафизическими) версиями посмертного существования человека.

Как видим, рациональное (концептуальное) сознание, изобретшее метафизику, обнаруживает отсутствие принципиальности и в таком ключевом для экзистенции вопросе, как принятие смерти. Будучи рациональным в плане постижения физической, социальной реальности в исследовании экзистенциальных аспектов человеческого бытия, рациональное сознание перестает быть таковым, когда сталкивается с неотвратимостью смерти и необратимостью временного процесса. Появление метафизики как концептуальной версии старой как мир мифологемы «царства Божьего» – тому наилучшее подтверждение. Тождество личности, будучи условием рационального осмысления индивидом окружающей его действительности на постмифологическом пространстве, имеет абсолютно драматические последствия для восприятия человеком времени, поскольку гибельность опознается человеком именно тогда, когда он обнаруживает в себе это тождество. Мифологическое сознание, разомкнутое для восприятия внешней реальности, в высшей степени лабильное подвижное полиморфное, пожалуй, в минимальной степени было травмировано фактором времени как раз в силу некоей личностно-индивидуальной расфокусировки. Теперь же в пространстве личностно-субъективного восприятия реальности необходимо было достичь такой формы взаимодействия с нею, при которой прессинг гибельности человеческого бытия оказался бы снижен. В конечном итоге, это привело к отчуждению или попыткам отчуждения «я-сознания» вовне, либо в культурный артефакт, материальный или духовный, либо в социальные институты, либо в некую знаковую систему, выступающую в роли аналога или альтернативы по отношению к системе физической.

На очередном витке культурно-исторического развития это имплицитно свойственное «я-сознанию» стремление «убежать» от собственной тождественности и тем самым преодолеть невыносимую для человека ситуацию переживания гибельности собственного бытия, как и бытия вообще, порождает реальность виртуального, которая в своих характеристиках, по сути, тождественна тому, что человечество уже переживало много-много веков тому назад. Речь идет об архаическом мифе. И виртуальному и мифологическому сознанию присущи децентровка субъекта, его фактическое поглощение той реальностью, в которой он пребывает. И для мифологического, и для виртуального сознания мы можем

констатировать отсутствие принципа тождества личности, как и закона тождества вообще. Здесь господствует иная модель логики, логика мифа, предполагающая полисемантический и полиморфный характер как самой реальности, так и мифологического (виртуального) субъекта, в ней пребывающего. Сама субъективность последнего весьма относительна и условна. Таким образом, возникновение виртуальной реальности вполне вписывается в знаменитую формулу А. Ф. Лосева, описывающую динамику культурно-исторического процесса применительно к греко-римской цивилизации: от мифа к логосу и далее к диалектически реконструированному мифу. Не является ли эта формула универсальной матрицей бытия человека во времени и пространстве, тем алгоритмом социокультурного развития человечества, который с необходимостью ведет к обезличиванию последнего как к условию преодоления наиболее важного из всех человеческих страхов – страха перед гибельностью человеческого бытия, страха перед смертью, даже если этот страх преодолевается ценой отказа от личностно-индивидуальных характеристик субъекта?

Литература

1. *Сорокин П. А.* Социальное время : опыт методологического и функционального анализа / П. А. Сорокин, Р. К. Мертон. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/sorokin_sotsialnoe.pdf – Загл. с экрана
2. Новая философская энциклопедия // Виртуальность. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0628.html> – Загл. с экрана
3. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. – 96 с.
4. *Бостром Ник.* Сколько осталось до суперинтеллекта / Ник. Бостром // Информационное общество. – М. : АСТ, 2004. – 507 с.
5. Top 25 Technology Predictions By Dave Evans, Chief Futurist, Cisco IBSG Innovations Practice. – Режим доступа: http://newsroom.cisco.com/2009/ekits/Top25_Technology_Predictions.pdf – Загл. с экрана.

Московский гуманитарно-экономический институт

Ульянов В. А., кандидат философских наук

E-mail: Ulvova@rambler.ru

Тел.: 8-920-406-60-37, 228-88-95

Moscow Institute of Humanities and Economics

Ulianov V. A., Candidate of Philosophy

E-mail: Ulvova@rambler.ru

Tel.: 8-920-406-60-37, 228-88-95